

АНДРЕЙ КИВИНОВ

Опер
Ларин

Андрей Владимирович Кивинов
Отсутствие доказательств

Серия «Улицы разбитых
фонарей», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=128864

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Андрей Кивинов

Отсутствие доказательств

*Кировскому заводу требуются штамповщики.
Из объявления*

ГЛАВА 1

Как известно любому уважающему себя человеку, детективные истории начинаются с преступления. Увы, я не буду оригинален, сказав, что эта история тоже началась именно с него. Но в отличие от книжных и киношных вариантов я не летел в машине с громко ревущей сиреной на место происшествия и за мной не следовала кавалькада из черных «Волг», да и кучи признающих свои ошибки высоких начальников тоже не было. И не вглядывался я опытным взглядом в подозрительных прохожих. Я спокойно ехал в трамвайчике, зажатый со всех сторон исключительно неподозрительными гражданами, и двумя руками я держался за поручни, а в зубах сжимал папку с чистыми листами.

И вероятнее всего, узнав, что случилось, я не кинусь по следу коварного преступника, не буду собирать брошенные окурки и спички и в лучах косо падающего света не буду высматривать отпечатки пальцев. Я просто разведу руками,

ругнись про себя матом и уйду, оставив потерпевшего наедине со своими горестями.

Всего два часа назад я тихо сидел в своем кабинете, дежурил по отделению и, закинув ноги на стол, слушал на изъятном магнитофоне «Даер стрейтс» и надеялся в душе, что сегодняшний вечер пройдет без приключений. Поэтому, когда мне позвонил дежурный и приятным голосом сообщил, что на территории кража, я искренне огорчился. Я дослушал хрипловатый голос Марка Нопфлера, попил кофе и поехал в адрес, правильно рассудив, что спешить некуда – потерпевший не убежит, а похищенное добро уже где-нибудь на Московском вокзале, а может, и еще дальше.

Как вы, наверно, уже догадались, я работал опером или, если официально, оперуполномоченным уголовного розыска в одном из наших многочисленных отделений милиции. В милицию я попал, не доучившись немного в медицинском институте, отчисленный с пятого курса за хроническую неуспеваемость. Не то, чтобы я был круглым дураком или лентяем, просто выбранная моими родителями профессия не приносила моей ранимой душе морального удовлетворения, тем более, что учился я на инфекционном отделении. Поняв, что нового Боткина из меня никак не получится, я махнул на медицину рукой и принялся искать средства для обеспечения себя хлебом насущным. Перепробовав кучу профессий, начиная с гардеробщика и кончая продавцом овощей, я в один прекрасный момент пришел в район-

ное управление внутренних дел, где с радостью был принят местным кадровиком. Из-за хронической нехватки кадров, спустя пару месяцев я был поставлен на должность опера, прошел какие-то курсы, где ничему не научился, и вот уже как пять лет честно отдаю знания свои и силы на охрану общественного порядка города Санкт-Петербурга.

Сойдя с трамвая и обмахиваясь веточкой от назойливых мух, я не спеша дошел до дома-корабля, где и жил тот самый обворованный гражданин. Отыскав нужный подъезд, я вошел, поднялся на лифте на восьмой этаж и, тщательно осмотрев дверь квартиры потерпевшего, нажал на звонок. Дверь, как ни странно, была абсолютно цела. В голове промелькнула последняя надежда, что, может быть, кто-то пошутил и я сейчас спокойно вернусь в отделение, но все надежды рухнули, когда открылась дверь и на пороге возник хозяин. По выражению его лица я сразу понял, что попал именно туда, куда надо, и никто, к сожалению, шутить не собирался.

Я махнул удостоверением и вошел. Чем больше я сталкивался со своим удостоверением, тем яснее я осознавал: во-первых, стиральная машина «Вятка-автомат» действительно обладает всеми качествами, указанными в ее рекламе, и во-вторых, в случае попадания в нее вместе с грязной рубашкой милицейского удостоверения, последнее после стирки превращается в красную картонку с полным отсутствием признаков внутреннего содержимого. Машина ухитрилась смыть даже усы с моей фотографии, вследствие чего я

тоже был вынужден их сбрить. Но в основном, я не пользовался удостоверением и лишь в особых случаях махал перед носом любопытного его обложкой. На ней-то хоть, слава богу, сохранился тисненый золотом герб и соответствующая надпись. Правда, буква «Г» после стирки почему-то трансформировалась в букву «С» и теперь, вместо надписи «Главное управление внутренних дел», на ксиве было начертано «Славное управление внутренних дел». А так как в результате дефицита красных корочек, удостоверения не менялись, то пожизненно я должен буду оставаться в «Славном управлении внутренних дел» города Санкт-Петербурга.

Потерпевшему было лет тридцать и, в отличие от меня, он был невысок и обладал небольшим животиком, черными усами и модной модельной стрижкой. Из его одежды следовал логический вывод, что в материальных средствах он более чем не стеснен и чем прикрыть зад у него найдется.

На мужчине была одета фирменная футболка «Найк», или, как я ее называю, «Нике», американские слаксы и турецкие легкие тапочки.

Пройдя в комнату, я понял, что и вся обстановка в квартире говорит о хорошем материальном состоянии нашего друга. Провалившись в мягкое кресло, я осмотрел финскую стенку, оценил персидский коврик на полу и приготовился выслушать очередную страшную историю.

Мужчина сел в кресло напротив.

– Молодой человек, – начал он, – понимаете ли, я попал

в очень неприятную историю.

– Для начала давайте представимся, – перебил его я. – Моя фамилия, к примеру, Ларин и зовут Киррилом Андреевичем, а вас?

– Ах да, простите, я немного волнуюсь – Борзых Игорь Юрьевич.

– Слушаю вас.

– Я работаю в коммерческих структурах в сфере оптовых поставок. Название нашей фирмы вам ничего не скажет, потому что мы открылись недавно и развиваемся, увы, медленнее, чем бы нам хотелось. Я живу с женой, сейчас она на море, отдыхает по путевке в Болгарии. Я-то позволить себе этого не могу – вкалываю по двенадцать часов. Детей нет.

Игорь Юрьевич достал сигарету и закурил. Руки слегка дрожали.

– Не могу никак успокоиться.

– Ничего, продолжайте.

– Недели две назад мой знакомый – Харитонов Олег – попросил меня поддержать у нас на складе большую партию аппаратуры – видеки и магнитофоны. У нас есть склад от фирмы. Склад хороший, охраняемый, но так как за охрану надо платить в зависимости от ценности товара, то часть аппаратуры, примерно сто видеков и около двухсот магнитол я перевез домой – у меня сейчас как раз комната пустует – и составил туда все аппаратуру. Двери, как вы видели, у меня металлические, поэтому ворья я не боялся. Олег не возражал.

Сам он живет в общежитии, копит на квартиру, и склада у них пока нет. Их фирма закупила партию видеомagneтофонов «Фунай» и magneтофонов «Тошиба», кажется, в Москве, ну и пока они не сделают оборот, распихивают аппаратуру по разным местам.

– Понятно. Дальше.

– Он договорился со мной на три недели. Разумеется, в квартире – бесплатно, и по таксе на складе. Уже как две недели все было нормально, а вчера и произошла эта история. Где-то в час дня, когда я приехал на обед, мне позвонила одна моя знакомая. Я сразу хочу оговориться, надеюсь, эта сторона вопроса останется между нами. Вы понимаете – я женатый человек и лишние пересуды ни к чему.

Я кивнул.

– Так вот Знакомую звать Катей. Не скажу, что у меня с ней какие-либо близкие отношения, просто раньше мы учились в одной школе, потом был маленький роман, закончившийся ничем, а затем наши дороги разошлись. Изредка она звонила мне, поздравляла с днем рождения. Последние лет пять мы вообще не виделись. Поэтому вчера я был очень удивлен, услышав ее голос. Она спросила, как дела, немного рассказала о себе. А потом попросила меня составить ей компанию в ресторан, объяснив, что ее пригласила подруга с каким-то хахалем, а у нее нет пары. Говорит, посидим, вспомним юность, потанцуем. Ну я, может быть, в другое время и отказался бы, но жены сейчас не было, работа осто-

чертела, а тут представилась возможность чуть-чуть расслабиться. Короче, согласился.

Мы встретились по ее просьбе на станции метро «Владимирская», туда же подошла и вторая пара – кажется, Наташа и Сергей. Поймав тачку, мы поехали в «Метрополь».

Сели, выпили. Потом потанцевали, потом еще выпили. Ну, вы в ресторанах, наверно, бывали, что вам объяснять. Там к нам еще пара подсела – вернее, двое молодых людей, лет по двадцать. Они откуда-то Катю знают. В общем, порезвились мы немного, часиков до одиннадцати вечера, а потом один из бойцов этих и говорит, а что, ребята, не махнуть ли нам в баньку, могу, мол, сауну организовать. Женщины наши сразу уцепились – поедem, поедem, хотим очень. Я, естественно, возражать не стал – все-таки один раз живем, можно и расслабиться. Махнули, одним словом. Вышли мы из «Метрополя», поймали две тачки и рванули. Я уже изрядный был, уснул в машине слегка, поэтому куда ехали, не помню. Очнулся уже в парной. Голый. Рядом Катька, что интересно, тоже голая. Тут же Сережа с Наташей. Ребят, правда, не было. Ну, мы попарились, потом в бассейн. Все нормалек было.

– С чем нормалек?

– Ну, со всем. Как говорится, терапия ниже пояса.

– Понятно.

– В общем, сидели мы там часа три. Выпивали, парились. Под утро мы с Катькой вышли, тачку поймали и домой. Она в центре вышла, а я дальше поехал. Приехал, дверь открыл и

ахнул. Вся аппаратура исчезла. Я туда-сюда, по соседям. Те не видели ничего. Да, думаю, попарился. И Катька, сука, не просто так позвонила. Я ее телефон нашел и давай названивать. А трубку никто не берет. Короче, целый день названивался, и ни ответа, ни привета. Потом решил милицию вызывать. Помогите. Через неделю аппаратуру вернуть надо, не верну – последнюю рубаху снимут.

«Веселенькая история, – подумал я. – Он, значит, парился, трахался, водку в ресторации жрал, а я теперь искать какую-то аппаратуру должен?» Не люблю я такие заявы. Ну, понимаю, дадут сзади по башке в подъезде и обчистят, никуда не денешься, как говорится. Тут можно посочувствовать. И поискать не обидно. Может, его в частную контору отправить? Так он мне начнет сейчас мзду давать, как пить будет. Бизнесмен. Борзых-оборзых.

– Так, – говорю я вслух, – ситуация мне, в принципе, ясна. Как говорил Винни-Пух: «Это „ж-ж-ж“ неспроста.» Поэтому давайте поподробнее все выясним. С кого начнем? Пожалуй, с Харитонова. Разумеется, он знал, что аппаратура у вас дома. И разумеется, мог воспользоваться этими знаниями в корыстных и низменных целях, чтобы потом потребовать компенсацию.

– Я думаю, это вряд ли. Олег исключительно порядочный человек и не будет таким несолидным образом сколачивать себе состояние. Вы же понимаете, с ним после этого никто дела иметь не будет, ни один уважающий себя бизнесмен. А

во-вторых, у нас была чисто дружеская договоренность и я, уж совсем по большому счету, могу заявить, что ничего у него не брал. Здесь ведь даже не столько я пострадал, сколько Олег.

– Да, но ведь свидетели, склад.

– Да это все ерунда. Ну да, на склад отвозил, а домой нет. А шофер мой что угодно подтвердит, что, мол, ничего он ко мне не привозил. Нет, это не Олега работа.

– Значит, Катя-Катерина?

– Она, похоже. Даже не похоже – точно она.

– А кто вообще знал, кроме Олега и шофера, что аппаратура у вас на квартире?

– То-то и оно, что никто, я поэтому спокойно в ресторан и поехал. Уж никак не ожидал такой подлянки.

– Тогда, пожалуй, о шофере. Чем знаменита сия личность, кроме умения крутить баранку?

– Понимаете, все дело в том, что в шофере я тоже уверен, не на все сто процентов, конечно, но очень близко. Это тоже мой приятель – Андрей Белоусов. Он в такси шоферил раньше, потом ушел – работать невыгодно стало, я его к себе и взял на микроавтобус. Мы вдвоем аппаратуру и перевозили, ну, Олег еще, конечно. Но Андрей хороший парень. Деньги из банка возит и за год ни копейки не взял.

«Да, у тебя все хорошие, – подумал я, – только вот взяли и обнесли. Что ж он из такси-то ушел? Не хочет пахать на черной работе сутки напролет? Конечно, на микроавтобусе

лучше. И комфорт, и уют и надрываться не надо».

Борзых посмотрел на меня и, как бы прочитав мой сомневающийся взгляд, еще раз произнес:

– Нет, нет, Андрея я тоже не исключаю. Но куда он столько аппаратуры денет? Он же на виду все время.

– Хорошо. Вернемся к Катюше. Давайте-ка все подробно про нее. Фамилия, с кем живет, чем занимается, ну и так далее.

– Фамилия у нее Морозова. Она на три года помладше меня, то есть, сейчас ей двадцать шесть лет, может, двадцать пять. Когда мы учились в школе, она жила в нашем районе, с бабкой. Родителей не было – то ли умерли, то ли бросили ее, я точно не знаю. Потом она вышла замуж, муж имел неосторожность прописать ее к себе, а спустя год они развелись, предварительно разменяв его двухкомнатку на две однокомнатные. Это было лет пять назад. С тех пор Катька там и жила. У меня телефон есть, это где-то в центре. Чем она занимается, я ума не приложу, она не рассказывала, а я не спрашивал. Самое интересное, что и она не спрашивала. Вроде пять лет не виделись, могла бы для приличия спросить. И как только она прониюхать могла и про аппаратуру, и что жены дома нет?

– Хорошо, а старые связи – школьные подруги, старые друзья-приятели? Наверняка же есть?

– Дайте подумать секундочку.

Борзых сосредоточенно морщил лоб, смотрел в потолок и

наконец выдал:

– Да, есть, пожалуй. Дай бог памяти, была у нее подружка, Галя, фамилию не помню, но вот телефон у меня где-то записан.

Борзых полистал книжку и продиктовал телефон, который я старательно записал в блокнот.

– Ну а что там за парочка – Абраам и Сарочка? Я имею в виду Наташу и Сережу.

– Да тоже ничего необычного. Ребята как ребята. Я вообще про них ничего не помню. Обоим лет по двадцать пять, когда мы уехали, они в сауне остались. Приятные ребята, ничего плохого сказать не могу.

– Послушайте, да у вас все хорошие, ну прямо образцово-показательный колхоз. Аппаратуру-то кто-то из этих колхозников увел. Кстати, как вы думаете, ключи где пропали – в «Метрополе» или в сауне?

– Думаю, в сауне. В ресторане ключи у меня в брюках лежали. Они звенели все время, и когда в машину садились, они еще были.

– Понятно. Остается парочка таинственных парней. Что плохого можно сказать о них? Но если и они прекрасные ребята, то я умываю руки.

– Честно говоря, я их вообще не помню. Даже имен. Но по-моему, они первые с Катькой поздоровались. У меня сложилось впечатление, что они постоянные клиенты «Метрополя», как-то по-хозяйски с официантами общались и, ка-

жется, одного даже по имени называли – то ли Боря, то ли Юра.

– А в сауне когда они исчезли?

– Да вы понимаете, я их там и не видел. Я ж говорю, что в машине отключился, а проснулся в парной.

– Да, да, я помню. А потом, когда вы одевались, ваши вещи вместе с Катиными лежали?

– Да, все в одной раздевалке.

Я снова достал маленький блокнотик и попросил Игоря продиктовать приметы парней. Записав, я убрал книжицу и продолжил:

– А где эта сауна или баня, вы запомнили?

– Плохо, кажется, на Гражданке. Там какой-то комплекс спортивный.

– Сексуально-спортивный, – подметил я.

– Не знаю. Я там тренажеры видел, плакаты всякие с культуристами.

– Гражданка – большой район. Нельзя ли поподробнее?

– Вроде метро рядом было. «Политехническая». Да, да, минуты три езды на тачке.

– Все ясно. Какого рода помощи вы от меня ждете?

– Ну, как какого? Аппаратуру найти.

– И как я по-вашему должен это сделать?

– Ну, я не знаю, вас же этому учили. В конце концов, это ваша работа. Вы не волнуйтесь, я смогу вас отблагодарить.

– Да вы хоть миллион мне дайте, я пока не знаю, что де-

лать. Когда вам аппаратуру возвращать, через неделю? Ну, ерунда, еще неделю потянете. Олег-то, наверняка, поймет.

– Да, думаю, можно договориться.

– Но даже за две недели я вряд ли найду технику. Ну, ладно, это сейчас не самое главное. Кстати, чуть не забыл, из ваших вещей ничего не пропало?

– Так, мелочь – моя куртка кожаная да кольцо обручальное. Но ничего, я как-нибудь перед женой выкручусь. А случайно нельзя записать в протокол, что все было не так, ну, как-нибудь по-другому? Скажем, кто-нибудь просто украл ключи и обокрал меня. Мне же перед женой надо обставиться.

– Как вам сказать? Это нежелательно. Во-первых, с точки зрения закона, а во-вторых, не исключено, что эта история всплывет, и тогда это будет минус в вашу сторону. Лишние, так сказать, сомнения в правдивости ваших слов. А это только на руку преступникам. Да вы не волнуйтесь, никто, кроме меня и следователя, читать ваши показания не будет, а жене вы, что хотите, врите.

– А вы разве не следователь?

– Нет, я опер.

– А какая разница?

– Как между Кировским заводом и Большим театром. Опер ищет преступника, находит доказательства, изымает вещи и так далее, а когда уже вся черновая работа будет сделана, дело переходит следователю, который заключает все

это в процессуальные рамки, грубо говоря, оформляет в красивую формочку и передает дело в суд. Следствие – это совсем другая служба, нежели уголовный розыск, ее сейчас вообще из милиции вывести собираются, то есть самостоятельно сделать, как прокуратуру. Сами понимаете, раз службы разные, то и задачи разные. У уголовного розыска голова болит, чтобы побольше преступлений раскрыть, но у следствия при этом работы прибавляется, а им это невыгодно. У нас ведь система не меняется – что десять дел у следователя, что одно – зарплата-то постоянная. Вот и идет война между уголовным розыском и следствием, и хотя по логике вместе с преступностью бороться должны, они все время палки в колеса друг другу засаживают. Не понятно, кому все это нужно. Как будто специально кто-то все это выдумал. Поэтому когда по телеку следователь Знаменский с опером Томиным в засаде напару сидят, можете смело выключать телик – туфта это все. Ладно, если еще водку хлещут вместе, тут я могу поверить. Томин заинтересован кражу раскрыть, Знаменский – нет. Это в жизни, конечно. В кино-то оба грудью на бандитов. Но, впрочем, это наша кухня и вам она не интересна.

Я встал и прошел в комнату, где когда-то лежали безвременно пропавшие видики. Что я хотел там найти, я и сам не знал. Но надо изобразить перед пострадавшим кипучую деятельность и живой интерес. Я осмотрел все углы, снял со шкафа фотоувеличитель, заглянул под висящий на стене ковер, потом опять поставил фотоувеличитель на шкаф.

Борзых внимательно следил за моими манипуляциями, понимающе кивал головой и часто вздыхал.

Ничего нового сей осмотр мне не дал, за исключением, может, того, что я вытер подошвы своих кроссовок об импортное покрывало кровати, когда лазал за увеличителем, поэтому они теперь стали немного чище. Вернувшись в комнату, я опять упал в кресло, вкратце записал историю на бумагу, дал Борзых расписаться и с тяжелым сердцем покинул квартиру. На сердце было тяжело от того, что из-за оформления кражи я пропустил первый тайм футбольного матча «Россия – Греция», а повторять завтра не будут.

Выйдя за дверь, я немного задумался. Как сказано в учебнике криминалистики, одним из первых мероприятий по раскрытию преступлений является своевременное установление возможных свидетелей злодеяния. В данном случае установить тех самых свидетелей можно было одним способом – обойти все квартиры подъезда. Но в моей практике существовало два метода проведения поквартирных обходов – формальный и неформальный, в зависимости от того, что надо было узнать. При формальном я просто брал ручку и писал справку в материал о том, что проведенный обход положительных результатов не дал. В случае неформального обхода я обзванивал соседей, ничего у них не узнавал и снова писал справку аналогичного содержания. В сегодняшнем случае я решил воспользоваться методом номер один, логично рассудив, что все нормальные люди ночью спят и просто

не могут видеть, как из квартиры соседа выносят сотню видеомагнитофонов и прочей техники. А если же кто и страдает бессонницей и смотрит в окно, то в такой темноте все равно отличить легковую машину от транспортного вертолета не сможет, так что вряд ли бы я узнал, на чем вывезли имущество Борzych.

ГЛАВА 2

Как говорит народная мудрость, когда у человека есть выбор, он начинает метаться. Поэтому, сидя на другой день в своем кабинетике, я тер рукой подбородок и листал записанное накануне объяснение. На нем уже стоял грозный штамп дежурного, напоминая мне, что в течение трех дней – в исключительных случаях, десяти – я должен либо отказать в возбуждении уголовного дела, если к тому имелись основания, либо направить в следственный отдел для возбуждения уголовного дела, в перспективе, «глухаря». За глухари долбали, но оснований для отказа пока тоже не было. Так как в моей практике абсолютно все случаи были исключительными, то я справедливо решил, что материал может и полежать у меня десять суток. Как говорит уже милицмейская мудрость, материал должен вылежаться. А за десять суток что угодно может случиться – и аппаратура найтись может, и Борзых умереть. Да мало ли что еще.

Да, так вот, о выборе и метаниях. Начинать-то с чего-то все-таки необходимо. Над этим я сейчас и раздумывал. Можно прямо с Кати-Катерины, но судя по ситуации, она женщина с головой и за рубль-двадцать ее не купить. Если она даже и явится ко мне по вызову, в чем я глубоко сомневался, то на мой вопрос, не имеет ли она отношения к таинственному исчезновению видиков из квартиры ее бывшего любовника,

в лучшем случае сделает невинное личико, а в худшем может и послать в одно интересное место. Я туда, конечно, не пойду, но и противопоставить какой-либо весомый аргумент в защиту своей версии тоже не смогу. Вывод – не фиг ее пока трогать. Пока. Пока не накопаю на нее чего-нибудь любопытного. И это любопытное должно быть таким, чтобы с лихвой перевесило ее нынешний грешок. Короче, найти надо крюк, на который ее можно будет подвесить.

Значит, надо начать со знакомых, как нам советует наука криминалистика. Вообще, интересная наука. Вот, например, исключительно полезная рекомендация из учебника по этой науке: «Одним из первых мероприятий по раскрытию преступления является ориентирование общественности и подсобных сил.» Вот так. Честно говоря, отработав уже пять лет, я так и не понял, каким образом надо ориентировать общественность. Может, выйти на улицу перед отделением и заорать: «Товарищи, я ориентирую вас по поводу сегодняшней квартирной кражи»? Или повесить плакат и гулять по Невскому? А что такое подсобные силы, я вообще не представляю. Это слово у меня ассоциируется с подсобным хозяйством, то есть с лопатами, граблями, клубникой и морковкой.

Но я опять отвлекся. Итак, сначала позвоним Харитонову, а потом Гале.

Я набрал по очереди номера обоих, к счастью, оказались дома, и я договорился о встрече. Естественно, у себя. Когда

я пришел на службу, то сам бегал по адресам, но сейчас уже ноги истаптывать не хотелось и я вызывал всех к себе. Каби-нетик у меня был достаточно уютный, по площади два квадратных метра с небольшим окошечком, выходящим на помойку, и вечно протекающей стеной, изъеденной грибом. В моем приемном покое размещался стол, стул, сейф и раскладушка в собранном виде. А больше мне, собственно, и ничего не нужно было. Роскошь засасывает. Одну из стен украшал потрет Сталлоне в образе Рэмбо, а другую – портрет Ельцина в образе президента. Вызывать сюда я никого не стеснялся, здесь побывали и главные режиссеры известных театров, и достаточные количества пьяниц с подворотен. Это был мой кабинет, и я любил его, как свою вторую квартиру.

Заглянул заместитель начальника отделения по оперативной работе, попросту говоря, мой непосредственный начальник, а говоря еще проще, Мухомор. Нет, нет, не подумайте ничего плохого о моем шефе. Мухомор – это вовсе не его фамилия, а всего лишь кличка, и придумал ее не я, а кто-то еще до меня. Может, потому, что фамилия у него была подходящая – Грибанов, а может, из-за того, что уже как десять лет выйдя на пенсию, он продолжал работать. По жизни он был мужик, конечно, неплохой, но уж больно консервативный, за что, вероятно, и получил эту кликуху. Никакие ветры перемен не могли выдуть из него пески застоя. Его любимым словом было слово «процент». Он впихивал его куда надо и куда не надо. Мне иногда казалось, что перед отпра-

кой в свой последний путь, Мухомор поднимется из гроба и пробубнит: « Попрошу отметить, что я прожил всего 75% от полагающегося мне срока.»

Прикрыв двери, он нахмурился и спросил меня:

– Я надеюсь, по вчерашней краже будет отказник?

– Пока нет.

– Зачем же ты зарегистрировал? У нас как раз сейчас самый низкий процент раскрываемости.

Отмечу сразу, что даже если наше отделение выходило на первое место по итогам года, Мухомор все равно стонал, что «у нас самый низкий процент».

– Ты как хочешь, а чтобы глухаря не было – либо отказывай, либо раскрывай, – снова произнес он. – Что там, баба какая-то на подозрении? Вызови ее и надави.

Поделившись со мной этим ценным советом, Мухомор вышел.

«Интересно, – подумал я, – что он имел в виду под словом „надавить“? Может, положить на раскладушку и надавить столом? Или сейфом? Надо подумать.»

До назначенной мною первой встречи оставался еще час. Я сходил пообедать в общественную столовую, отправился там рыбной котлетой, вернулся назад и сел строчить бумаги.

Ровно в назначенный час в дверь постучались и вошел быкообразный молодой человек. Недавно у меня появилась дурная привычка сравнивать своих посетителей с какими-нибудь животными. Про себя, конечно. Так вот, Харито-

нов Олег чем-то напоминал быка. Черная шевелюра, оттопыренные уши, толстая шея и, возможно, рога. Но это без его супруги сказать я не мог. Несмотря на молодой возраст, он уже страдал одышкой и постоянно потел.

Когда он сел, я спросил:

– Вы, надеюсь, уже в курсе всего случившегося?

– Да, да.

– Каково будет ваше мнение по поводу этой истории?

– У меня пока нет никакого мнения. Я думал, вы разберетесь в том, что произошло.

– Это, конечно, мне льстит, но я не могу, побеседовав с потерпевшим, тут же найти вещи. Кто, кроме вас, знал, что Борзых будет хранить аппаратуру у себя?

– Никто.

– Совсем?

– Совсем.

– Нет, так не пойдет. Вы сами не хотите себе помочь. Подумайте, не спешите.

– Понимаете, я уверен, что никто. Я ж еще не совсем склеротик.

– Ну хорошо, нет так нет. Ну а Борзых вы доверяете?

– Игоря я почти с детства знаю, в одном дворе росли. Неужели он меня подставит? Да он сам места не находит, как вы можете такое думать?

– А, к примеру, не вернет он вам через неделю видики, что тогда?

– Ну, я не знаю. Ущерб понесем, значит. Обидно. Только договор с фирмой заключили. Черт, помещение под склад не могли найти. Знаете, как с этим сейчас трудно?

– Представляю. Я не понял, а что, Борзых не будет возмещать вам ущерб?

– Да вы знаете, я как-то с ним об этом еще не говорил, но, наверно, возместит хоть частично. Да что вы, Игорь – человек. Он и с оформлением нашим помогал и с деньгами выручал без процентов.

– Понятно. Давайте так договоримся, если вы чего-нибудь вспомните, то позвоните, хорошо?

– Ладно. Помогите, пожалуйста, я в долгу не останусь.

«Ну вот, опять начинается», – подумал я. По идее, у меня в кабинете уже вместо Рэмбо должен был бы Рембрандт висеть, причем, подлинник, купленный на деньги благодарных потерпевших, а сам я не на трамвае развезжать должен, а на «Мерсе».

– Спасибо, но меня государство содержит, поэтому лучше налоги платите и все о'кей. Я вам позвоню еще.

Я указал на дверь, дав понять, что аудиенция закончена, Харитонов еще раз вытер пот и вышел.

Я задумался. Надо сразу определиться, на что работать – на отказник или на раскрытие. Это немаловажный вопрос. Кра-жонка готовилась тщательно и на шару видиков не найдешь. Где пахнет миллионами, там шара не пройдет. Отказать, пожалуй, проще. Накапать чего-нибудь на Харито-

нова или Борзых, чтобы в прокуратуре убедились, что все это тужа, никакой кражи не было, а они между собой разобратъся не могут и впутывают милицию. Пожалуй, так и сделаю, ну а если зацепочка будет, тогда, может, и аппаратуру найду.

В двери снова постучались. Я вежливо отозвался. В мои хоромы зашла особа лет двадцати пяти, внимательно осмотрела стены, недовольно фыркнула и, не спрашивая разрешения, села на стул.

– Вызывали? Я Пирогова Галина.

– Да, да, сеньора, здравствуйте. До начала нашей беседы я хотел бы предупредить, что она будет носить конфиденциальный характер, без всяких протоколов и записей. И надеюсь, что она пройдет в теплой дружеской атмосфере.

Галя опять фыркнула. Из манер ее было ясно видно, она была интеллигентной девушкой и в очередях «Куды пре-е-ешь?» не кричала. Симпатичное личико со вздернутым носиком, алая полоска губ и длинные распущенные волосы с мягким завитком. Кто-то мне говорил, что такая прическа называется «Ниагарский водопад». И вообще, глядя на Галю, я вспоминал верные слова, что ничто так не красит женщину, как перекись водорода.

– Меня интересует одна ваша подруга – Катя Морозова. Может, помните?

– Ха, еще бы эту сучку да не помнить, – невзирая на свой интеллигентный вид, ответила Галя.

Такое начало меня обрадовало. Если лучшая подруга лучшую подругу сучкой называет, значит, можно рассчитывать на что-нибудь интересное. Всегда хорошо, когда люди находятся в неприязненных отношениях, для уголовного розыска, конечно, – такого друг о друге наговорят, заслушаться можно. А особенно, если каждой стороне поддакивать и выражать искреннее возмущение действиями другой.

– Чем вызвана такая любовь к названной мною особе?

– Зараза, да у меня всю квартиру из-за нее выставили.

– Интересно, давайте поподробней.

Галя наморщила лобик, а затем почти в точности изложила историю, случившуюся с Борзых. Не виделись с Катей года три, потом она позвонила, пригласила в ресторан, мол, нужна пара, есть двое хороших мальчиков. Потом «Невский», сауна, позднее – возвращение домой и обнаружение обворованной квартиры. Муж в это время был в море. Как будто кто-то знал. Вынесли аппаратуру, кожу, золото, посуду. В милицию, конечно, обращались, но результатов нет.

– Хочу кое-что уточнить, – сказал я, выслушав ее историю. – В школе вы были близкими подругами?

– Не очень. Я поэтому удивилась, когда она мне позвонила.

– Вы ее после этой истории видели?

– Да, один раз, случайно. Она поклялась, что не при делах, но я-то знаю – она и в школе не чиста на руку была. Как пришла в наш класс из интерната, так кражи начались, то

денег, то косметики, то вещичек мелких. Мы ее предупреждали, но сами знаете – не пойман – не вор. А она все время отказывалась.

– Когда эта история приключилась?

– Где-то полгода назад.

– Она говорила тогда, чем занимается, кроме хождения по ресторанам? Я имею в виду учебу, работу.

– Да вроде, нет. Говорила, кажется, что торгует в ларьке или в шопе каком-то, но я не помню где.

– Ребятки вы запомнили?

– Да, одного Вадиком звать, второго – Толиком.

– Они исчезали в течение вечера и ночи?

– Нет, вроде. Все время вместе были.

– Странно. Дверь ключом была открыта?

– Да, и ключи я потом в сумочке нашла, где они и лежали.

– Сауна где была, не помните?

– Кажется, на Гражданке. Там комплекс спортивный.

– Сексуально-спортивный, – как и Борзых, поддел я Га-лю. – Опишите мне ребят.

Галя еще раз фыркнула и назвала приметы. Я старательно записал их в блокнотик.

– Вадик-Толик не говорили случайно о себе чего-нибудь интересного?

– Да нет. Хотя постойте, Вадик сказал по-пьяни, что скоро на сборы уезжает. Я так и не поняла на какие. Наверно, военные.

– Или спортивные, – подсказал я. – Еще вопросик. Имена Наташа и ее муж Сережа вам ничего не говорят? В контексте нашего разговора о Кате? Возможно, они имеют притяжение к станции «Владимирская».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.